

Чжоу Це принял измятый листок — предсмертное послание Лю Юаня. Строки, выведенные на бумаге, во всех подробностях расписывали, как Янь Сюнь загнал лекаря в угол, вынудив пойти на преступление, и как тот, не выдержав мук совести, всё же решился отравить наследного принца Янь Юя. В самом конце Лю Юань слёзно благодарил родителей за то, что дали ему жизнь и вырастили.

Было неясно, действительно ли это письмо написал сам лекарь, а если и он — то вся ли правда в нём изложена.

Це подозвал стражника и вполголоса приказал:

— Отправляйся в дом Лю Юаня. Собери все его записи, письма, любые бумаги, где есть его почерк. Живо.

Когда стражник скрылся, судья велел другому служителю пригласить почтенного господина Кана из Академии Ханьлинь. Тот был признанным мастером каллиграфии, чьё слово в вопросе подлинности почерка считалось законом.

Распорядившись, Чжоу Це сел напротив супругов Лю, украдкой изучая их лица.

Старуха бессильно обмякла в кресле. Её плач, переходящий в надрывный вой, казалось, вытряхивал из неё саму жизнь. Она побагровела, а каждый вдох давался с таким трудом, что сердце невольно сжималось от жалости. Старик же сидел неподвижно, будто окаменев от горя. По его лбу всё ещё сочилась кровь; тонкая алая струйка огибала морщины, пересекала губы и впитывалась в ворот ветхой серой рубахи.

Горе этих людей казалось слишком подлинным, чтобы быть игрой.

Це резко поднялся, велел стражнику поторопить лекаря, а сам достал чистый платок и прижал его к ране на лбу старика. Кровь мгновенно пропитала тонкую ткань, окрасив пальцы судьи в багровый, и тяжёлыми каплями сорвалась на пол.

Лишь спустя долгое время старик пришёл в себя. Он попытался встать, чтобы поблагодарить Чжоу Це, но тот мягко, но уверенно надавил ему на плечо.

— Сидите, почтенный, — негромко произнёс судья. — Не нужно вставать.

Подоспевший врач осмотрел рану, промыл её и наложил повязку.

— Рана пустяковая, кость не задета, — заключил он. — Но годы берут своё, заживать будет долго. Советую пропить курс укрепляющих отваров.

— Позаботьтесь о рецепте, — Чжоу Це взглянул на обветшалую одежду супругов и, решив, что денег у них нет, добавил: — Сколько нужно за лекарства? Я заплачу.

Едва слова сорвались с его губ, старуха вдруг оборвала плач. Она горько усмехнулась.

— К чему нам ваша милость, господин Чжоу? — хрипло бросила она. — У меня на руках десять тысяч лянов — цена жизни моего сына. Не нуждаемся мы в подачках.

Старик накрыл своей ладонью её морщинистую руку.

— Не смей дерзить господину Чжоу.

Слова о серебре задели в женщине живое. Она опомнилась и склонила голову в извинении:

— Простите старуху, господин. Не поминайте лихом за грубость.

Це лишь отмахнулся, показывая, что не обижен. Он отдал рецепт стражнику, чтобы тот немедленно доставил снадобья, и сам проводил врача из Дали-сы.

Вернувшись в зал, он на мгновение задержался у окна, наблюдая за четой Лю. Убедившись, что и в одиночестве они ведут себя так же естественно, судья неспешно вошёл внутрь.

Он снова сел напротив них и, помрачнев, спросил старуху:

— Почтенная, расскажите подробнее. Откуда у вас эти десять тысяч лянов?

Голос женщины, сорванный долгим плачем, напоминал скрежет камня о песок:

— Пару часов назад в наши ворота постучали. Двое, с виду — простые стражники. Они занесли в дом тяжёлый деревянный ящик. Когда крышку открыли, внутри до самого верха было набито серебро. Я обомлела, кликнула мужа... Один из них сказал, мол, мой сын верой и правдой служил Его Высочеству наследному принцу и заслужил награду. Сказали, раз он скончался, принц передаёт эти деньги нам, старикам, и обещает заботиться о нас до конца дней.

Це задумался.

«Лю Юань якобы по приказу Второго принца отравил Янь Юя и покончил с собой. Согласно вчерашним показаниям, наследный принц поверил словам Ван Шу и счёл Лю Юаня виновным в покушении на свою жизнь. С чего бы ему присылать награду родителям того, кто пытался его убить?»

Между тем старуха, задыхаясь от негодования, продолжила:

— Твердили, что присланы наследником, но... — Она едва переводила дух, в ярости покраснев.
— Но я заметила на их поясах жетоны! Жетоны Дворца Фуюй! Не знаю, кто из знати там обитает, но это точно не дом наследного принца. Я сделала вид, что поверила, кланялась им, благодарила Его Высочество, лишь бы не заподозрили чего. А потом спросила у соседа, учителя, кто живёт во Дворце Фуюй. И он ответил: Второй принц, Янь Сюнь! Потом я кинулась перебирать вещи сына в надежде найти хоть какую-то зацепку... и нашла то письмо, что отдала вам!

Женщина с глухим стуком упала на колени.

— Господин Чжоу! — взмолилась она. — Молю, восстановите справедливость! Снимите голову с этого Янь Сюня, отомстите за моего мальчика!

Це наклонился, пытаясь поднять её, но старуха упрямо не желала вставать. Он убрал руки за спину и, глядя на неё сверху вниз, строго переспросил:

— Вы точно уверены в том, что видели? Это действительно были жетоны Дворца Фуюй?

— Пусть я стара и глаза мои видят не так, как прежде, но в таком деле я не могла ошибиться. Сама видела, клянусь!

— А вы, почтенный? — Це повернулся к старику. — Вы видели жетоны?

— Нет, господин, — старик покачал головой. — Только жена видела.

Чжоу Це погрузился в молчание, глядя на лоскуты неба, разрезанные оконным переплётom.

«Если Янь Сюнь действительно стоял за Лю Юанем, а после разоблачения довёл его до самоубийства... Зачем ему было так подставляться? Он послал своих людей, надеясь, что старики примут их за слуг наследника и тем самым подставят Янь Юя? Слишком много дыр в этом плане.

Во-первых, как Сюнь мог быть уверен, что Лю Юань не оставил записки?

Во-вторых, почему он не приставил стражу к родителям лекаря, позволив им беспрепятственно явиться в Дали-сы?

В-третьих, как он мог гарантировать, что мои люди или люди наследника не доберутся до стариков первыми?

И в-четвертых... почему просто не избавился от них, чтобы не оставлять свидетелей?»

Янь Сюнь всегда отличался ледяным спокойствием, его истинные мысли невозможно было прочесть по лицу. Мог ли такой человек действовать столь неосмотрительно?

«К тому же его наставник — Сяо Юэбай. Человек, трижды ставший первым на экзаменах, умнейший муж столетия. Разве позволил бы Канцлер Сяо своему подопечному оставить столько явных улик?»

Пока Це перебирал эти мысли, к нему подошёл стражник и что-то быстро зашептал на ухо. Судья переменился в лице, но не проронил ни слова.

<http://bllate.org/book/17467/1696472>